

The image features two women against a dark background. On the left, a woman with brown hair in a ponytail wears a vibrant red, sleeveless, floor-length dress with a draped bodice. She is looking down. On the right, a woman with blonde hair in a ponytail wears a black, long-sleeved, floor-length dress with a high slit and a wide skirt. She is in a dynamic dance pose with one arm raised. The background is dark with a bright starburst light in the top left and a faint, large circular graphic with crosshairs in the center. The floor is made of light-colored wooden planks.

Марина Крамер

ФИНАЛЬНЫЙ ТАНЕЦ

ТАНГО ПОД ПРИЦЕЛОМ

Танго под прицелом

Марина Крамер

Финальный танец

«Марина Крамер»

2023

Крамер М.

Финальный танец / М. Крамер — «Марина Крамер»,
2023 — (Танго под прицелом)

Первый телефонный звонок заставил вздрогнуть непобедимого Алекса. Под страхом смерти от него требуют немедленного выполнения задания, на которое сейчас нет сил. Он тяжело, смертельно болен. Второй звонок добил окончательно. Его маленькая дочка в руках неизвестной женщины. Похищение?! Алекс опустился на пол у стены и схватился за голову. В трудную минуту он может обратиться только к верной, любящей Марго. Правда, та уже замужем и избегает его. Но ведь настоящая любовь не уходит, не предает и не бросает в беде...

Содержание

Часть 1	5
Марго	6
Алекс	9
Марго	12
Алекс	17
Марго	21
Алекс	24
Марго	26
Алекс	32
Марго	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марина Крамер

Финальный танец

Часть 1

«Разве так уж важно то, что мы говорим? Важнее то, что делаем, что чувствуем, какие эмоции испытываем. Слова – они ничего не весят и не несут – в определенном смысле – настоящей окраски. Не хочу говорить правду – и не скажу, спрячусь за красивой вязью слов и предложений. А действие... Вот только оно и способно выказать истину. Ибо как можно делать то, что не чувствуешь? Говорить вот – пожалуйста, а делать – нет, нельзя. Себя не обманешь».

Мужчина бросает сигарету в пепельницу, чуть потягивается в кресле с высокой спинкой. Откуда-то сверху до него доносятся звуки рояля.

«Нет, опять неверно – слишком напряженно, нужно мягче». Он встает и быстро идет наверх по лестнице, распахивает ударом ладони дверь и оказывается в большой светлой комнате, где у рояля сидит девочка лет семи в светлом платьице и с волосами, собранными в хвост на макушке. Она переводит сосредоточенный взгляд с нот на вошедшего мужчину, улыбается и спрашивает:

– Папа, что?

– Это плохо, Марго. Расслабь кисти – и станет лучше.

Мужчина подвигает к роялю стул, чуть отстраняет девочку и начинает играть сам. Лицо Марго мрачнеет, кажется, с каждым аккордом, а когда музыка прерывается, девочка тяжело вздыхает и произносит:

– Я больше никогда не буду играть.

– Почему это? – спокойно интересуется мужчина.

– Потому что лучше тебя я не сумею, а хуже – не хочу, – твердо отрезает девочка, легко спрыгивает с крутящегося стула и выходит из комнаты, оставив отца за роялем.

«Н-да... Однако и характер у вас, мисс... Очень вы напоминаете мне одну мою знакомую...»

Марго

– Я в сотый раз говорю – у меня нет никакой рукописи! Нет – понимаете? И прекратите донимать меня звонками, я уже все сказала! – Молодая, чуть полноватая женщина в свободном домашнем платье нервно бросила мобильный телефон на стол. Тот, прокатившись по скатерти, едва не упал на пол.

Март. Обычное московское утро, пятница, необычно холодно – почти пятнадцать градусов. За окном – серое небо, голые ветки огромного тополя прислоняются к стеклу, напоминающая иссушенные голодом и жаждой руки нищего. На плите уже вовсю разливается кофейное море, однако хозяйка этого даже не замечает. Она обхватила руками голову и раскачивалась как китайский болванчик – туда-сюда, взад-вперед.

– Марго! Кофе! – В кухню быстро вошел высокий широкоплечий мужчина в тренировочных брюках. На его теле поблескивали прозрачные капли – он только что принял душ.

Схватив пустую уже джезvu, он выключил газ и только после этого повернулся к сидевшей за столом жене:

– Что происходит?

Женщина подняла на него заплаканные глаза:

– Я так больше не могу...

– Опять? – Мужчина присел на корточки и взял руки жены в свои. – Марго, скажи... почему ты так отчаянно цепляешься за эту рукопись? Отдай – и все прекратится.

– Ты не понимаешь! Ну как ты не понимаешь?! Если отдам – все... Будет понятно, кто убил Мэри! – истерично выкрикнула Марго. – А заодно и Артура с Костей!

– Глупости. Кто станет сравнивать книжный сюжет и реально произошедшее? Кому нужны Артур и Костя? Мэри – не ясновидящая, она не могла предсказать собственную смерть. И никто не доказал, кстати, что она умерла не сама. И даже я этого не знаю.

– Джеф! Ты вообще не умеешь врать – как ты можешь столько лет... Ай, ну опять... – Марго вырвала руки из широких ладоней мужа и встала. – Хватит. Я не отдам рукопись.

– Дай угадаю. – Джеф тоже поднялся и чуть посторонился, давая Марго возможность подойти к плите и заново начать готовить кофе.

– Ну угадай! – дерзко и с вызовом произнесла она.

– Ты боишься, что кому-то придет в голову, что это именно Алекс мог убить Мэри и этих двоих? Давай рассуждать логически. – Джеф уселся на тот табурет, с которого минуту назад встала Марго, забросил ногу на ногу, закурил и продолжил: – Кто такая Мэри, чтобы вызвать интерес у правоохранительных органов? И кто такой Алекс – для них же? Да и двое весьма далеких от закона армянских шулеров – тоже? Ты думаешь, что все как в кино, да? Умный оперативник читает роман, и – бац! – понимает, кто убийца? Марго, тебе не пять лет. Так не бывает. Или ты полагаешь, что кто-то охотится непосредственно за Алексом? Это тоже бред.

– Тогда объясни мне, с какой целью некая дама вот уже год преследует меня звонками с требованием отдать рукопись последнего романа Мэри, а? – Марго с остервенением грохнула джезvu на конфорку.

– А кто знает, о чем роман? – парировал муж. – Никто его не видел – только ты и я. Да, издатель во Франции знает о том, что текст есть – но ты разорвала соглашение, вернула аванс, неустойку заплатила. У него не может быть претензий. А дама... Хм, вполне может быть какая-то ярая поклонница Мэри, вот и все. А вы слишком часто везде появлялись вместе, ты официально была агентом Мэри – так у кого же, как не у тебя, может оказаться неизданная рукопись?

Марго вынимала из шкафа кофейные чашки и молчала. Джеф всегда умел оперировать фактами, не опираясь на эмоции и догадки, и этим приводил Марго в бессильное бешенство,

так как зачастую оказывался неопровержимо, бесповоротно прав. И история с сумасшедшей поклонницей вполне может быть реальностью. Но эти звонки...

Первый раздался примерно спустя месяц после смерти Мэри. Марго до сих пор не могла поверить, что подруги больше нет. Она видела ее мертвой – и все равно не могла. Молодая женщина, тренированная, упорная – и вдруг умерла на больничной койке от остановки сердца. Так непонятно, странно... У нее был сломан позвоночник, полная парализация – но при чем тут сердце? Говорили, что Мэри была в сознании, общалась с медсестрами, ничего не предвещало – и вдруг...

Марго настораживало другое. То, что Мэри умерла, обнаружил Алекс. Это и не давало Марго покоя. Она прекрасно знала, на что способен ее бывший муж. А с Мэри его связывали очень странные и запутанные отношения, длившиеся – вернее сказать, то вяло тянувшиеся, то взрывавшиеся фейерверком – несколько лет. Самолюбивый и гордый Алекс мог просто воспользоваться беспомощностью Мэри и отомстить за то, что она отказала ему, не пошла следом, не сделала так, как он хотел. Запросто...

Однако Джеф, с которым Марго поделилась подозрениями, категорически отверг эту идею.

– Не говори ерунды, Марго. Алекс этого не делал.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

Ну, еще бы! Марго ни секунды не сомневалась в том, что муж бывший и муж нынешний покрывали друг друга и утаивали от нее истинную причину смерти подруги. Они всегда были напарниками, а это посильнее дружбы, это – абсолютное доверие, когда ты вручаешь второму человеку ни много ни мало – собственную жизнь. «Братство киллеров» – называла когда-то в шутку этот союз ехидная Мэри.

Так вот, звонки...

Мелодичный и мягкий женский голос вкрадчиво предложил продать «посмертный роман восхитительной Мэри Кавалье», как она выразилась, удивив Марго. Никто в России уже не помнил о такой писательнице, она издавала свои романы во Франции, категорически запретив перевод на русский язык и продажу прав на родину. Единственная книга Мэри на русском уже давно стала раритетом. Марго, разумеется, изобразила удивление и задала вопрос – откуда, мол, информация о романе? Нет никакого романа. И получила ответ, заставивший ее испугаться:

– Не стоит считать себя умнее других. Роман есть. Но я хочу, чтобы вы отдали мне его добровольно.

Марго затряслась – она догадывалась последние месяцы беременности, ребенок должен был родиться совсем скоро, долгожданное дитя, потерять которое Марго боялась больше всего на свете. А тут – такое... Она бросила трубку и в ужасе зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Еле дождалась возвращения Джефа и выложила ему все прямо на пороге, не дав даже раздеться. Муж долго молчал, взвешивая что-то, потом развернулся и вышел, не сказав, куда и когда вернется.

Марго прождала его до глубокой ночи, сидела, не зажигая света, и напряженно прокручивала в голове все варианты. Кто это мог быть? Откуда узнал? Что хочет, кроме романа? И, наконец, куда делся Джеф? Последнее волновало сильнее всего. Муж был для Марго всем, и она понимала, что потерять его значило потерять себя и всю жизнь, ее смысл. Раньше ей казалось, что уже никогда ни одному мужчине она не сможет любить так, как Алекса. Потому что такое случается только единожды в жизни. Но появился Джеф – спокойный, надежный, заслонивший ее собой, как огромной стеной, от невзгод и неприятностей. И в том числе от Алекса. От Алекса, много лет не выпускавшего из своих длинных музыкальных пальцев невидимые ниточки, с помощью которых он исподволь управлял жизнью Марго. Но Джеф сумел

непостижимым образом перехватить управление, отобрать у Алекса уверенность, что Марго принадлежит только ему. Удивительное дело – тот отступил.

Марго искренне считала, что все дело в Мэри, что Алекс, потеряв ее, Марго, теперь переключится на свою ровную рыжую танцовщицу, к которой его так тянуло. Но Алекс проиграл. Да, на этот раз его соперница оказалась куда круче всех живущих, потому что тягаться со Смертью оказалось не под силу даже Призраку. Смерть забрала Мэри, и Алекс вынужден был признать поражение. Странно только, что он так давно не давал знать о себе...

Алекс

Это противное утреннее ощущение...

Опять он не мог, открыв глаза, сразу встать с постели – тошнило, кружилась голова, отвратительная слабость охватила все тело. Простыня и наволочка – мокрые насквозь, влажные волосы спутались, лоб покрыт испариной. «Черт возьми, что за напасть?» – в бессильной злобе на отказывающийся подчиниться организм думал Алекс.

Это состояние не покидало его уже около двух месяцев. Надо бы съездить к врачу, однако Алекс все оттягивал этот момент, даже себе не признаваясь в том, что боится визита. Врачи, больницы – все это и раньше заставляло его морщиться, а уж применительно к себе...

Он перевел взгляд на стену и нахмурился. Это уже тоже стало привычным – встречаться глазами с карандашным рисунком, на котором – два женских профиля. Марго и Мэри. Теперь осталась только Марго, и Алекс часто ловил себя на том, что видит черту, разделившую рисунок на две части. Та, где Марго, светлая и четкая, а та, где Мэри, – потускневшая, бледная. Мэри нет больше.

Глупо все вышло. Сейчас, спустя год, Алекс корил себя за то, что уступил, поддался эмоциям, повелся на пронзительный, полный мольбы взгляд прикованной к постели Мэри. Она лежала перед ним – рыжие волосы рассыпались по белой больничной наволочке, синие глаза неотступно следили за тем, как меняется выражение его лица. Тонкая фигура, скрытая одеялом, – он, казалось, мог по памяти воспроизвести каждый изгиб, руками повторить все очертания... Самое страшное – взгляд. Он выразил все, чего Мэри, жесткая и самолюбивая, никогда не сказала бы словами, если бы не обстоятельства. Она отчаянно нуждалась в его помощи, и Алекс разрывался внутренне, не зная, как поступить. Мог отказаться – и она была бы жива. Да, парализована, но – жива ведь. Хотя в глубине души Алекс все-таки считал, что поступил правильно. Нельзя заставлять человека мучиться собственной беспомощностью. Наверное, Мэри была права в своем нежелании жить *так*. Но своим решением она повесила на его шею такой груз, с которым ему придется доживать остаток жизни, – и об этом никому не расскажешь. Даже Марго, которая всегда все понимала. Особенно – ей. Алекс прекрасно знал, что этого Марго не простит ему никогда.

Тошнота прошла, и Алекс отбросил одеяло. До него донесся звонкий детский голос – Маргоша собиралась в школу и спорила о чем-то с няней. «Характер», – усмехнулся Алекс, представив, как дочь, нахмутив брови и склонив упрямый, как у барашка, лоб, доказывает свою правоту Джулии. Та, разумеется, четко следует данным ей инструкциям и ни за что не хочет уступать, но Марго в конечном итоге выиграет. Переспорить дочь порой не удавалось даже ему. Внешне Маргоша все сильнее походила на свою мать – Соня была бесспорной красавицей, с тонкими чертами лица, нежным профилем и роскошными каштановыми волосами. Девочка взяла от нее все самое лучшее, и только глаза были отцовские – большие, карие, в густых длинных ресницах, придававших взгляду таинственность. Судя по всему, фигурой она тоже пойдет в него – рослая для своих семи лет, тонкая в кости, с прямой спиной и легкой походкой. Когда они по субботам гуляли вдвоем в парке, на них оборачивались – Алекс был мужчиной заметным, аристократическая английская кровь в смеси со жгучей армянской сделала его притягательным для женщин любого возраста. Плюс к тому – манера одеваться исключительно в черно-белой гамме и неизменный клетчатый шарф на шее. И маленькая красивая девочка рядом, доверчиво заглядывавшая в лицо и с увлечением слушавшая все, что он говорил, – у кого бы подобное зрелище не вызвало чувство умиления?

– Папа! – раздался требовательный зов снизу, и Алекс понял – пора вмешиваться, Маргоша призывает третейского судью.

Он спустился в холл, где у самой двери топталась Джулия в неизменном сером плаще и кокетливой черной шляпке, а около вешалки, возмущенно подбоченившись, красовалась дочь в школьной форме и сбитом на макушку берете.

– Что случилось?

– Папа, Джулия запрещает мне брать с собой телефон!

– Совершенно справедливо. Мы договорились, что ты не будешь брать телефон на уроки, чтобы не отвлекаться.

– Но я...

– Разговор окончен, Марго, – не повышая голоса, но твердо заключил Алекс, и Маргоше ничего не осталось, как подчиниться.

Дверь за дочерью и няней закрылась, и Алекс побрел в душ. Слабость не проходила, хотелось лечь и спать, спать... «Надо к врачу все-таки», – отрешенно думал он, стоя под водяными струями.

Все неприятности начинаются с телефонных звонков – Алекс давно открыл для себя эту закономерность. Эти куски пластика, напичканные микросхемами и прочей дрянью, источают угрозу и неприятности, как аппарат Рентгена – лучи. А уж звонок по *этой* номеру точно не предвещал ничего хорошего.

– Алло.

– Ты срочно нужен.

«Ну, а то! – злобно усмехнулся Алекс, почувствовав вдруг отвращение к звонившему. – Я всегда нужен, и почти всегда – срочно!»

– Я не в форме. – Он закурил, злорадно наслаждаясь замешательством собеседника.

– На сколько?

– Минимум на месяц.

– У тебя нет времени.

– Я сказал – месяц.

– Ты предупрежден. Это все, что я могу сделать.

Телефон снова стал молчащим куском пластика, а у Алекса внутри зашевелилось что-то нехорошее – как клубок змей. Тревога росла с каждой секундой, но он никак не мог понять, с чем это связано. Раньше такое предчувствие охватывало его в связи со взрослой Марго, но теперь, насколько он знал, у нее все в порядке. Растет дочь, рядом любимый мужчина. Все хорошо. Тогда – что?

Слабость снова накатила волной, и Алекс поднялся к себе, прилег, включив кондиционер. Дышать стало чуть легче, но голова все равно кружилась. Он задремал и очнулся от телефонного звонка. Это оказалась Джулия. Алекс сперва не мог понять, что она бормочет и почему плачет, но когда разобрал, волосы от ужаса зашевелились.

– Я... я всюду искала... ее нет... что мне делать?

«Марго! Моя Марго! Черт подери безмозглую сучку, именуемую няней!»

– Где это случилось?! – зарычал он, испытывая непреодолимое желание оторвать Джулии голову и одновременно бегая по комнате в поисках джинсов и рубахи.

– В школе... я пришла за ней, как обычно... а ее не было...

– Ну?! – подстегнул Алекс, пытаясь натянуть первые попавшие под руку джинсы и не выронить зажатый плечом телефон.

– Мисс Тикс сказала, что Марго забрала какая-то женщина...

– Передай мисс Тикс, что она потеряла работу. Как, собственно, и ты! – рывкнул он и бросил трубку.

Запал прошел, и Алекс почувствовал себя неожиданно беспомощным. Его дочь забрала какая-то женщина – ну, что еще это могло быть, как не похищение? И как это совпало с предупреждением куратора...

Алекс опустился на пол у стены и завыл, вцепившись руками в волосы.

Марго

– Ты моя девочка... – Марго склонилась над кроваткой, где, вскинув вверх крошечные ручки, улыбалась пятимесячная Маша. – Проснулась?

Она вытащила дочь и прошла с ней в кухню, поставила греть бутылочку с кашей. Дочь возила ручкой по ее лицу, и Марго переполняли эмоции. До сих пор она смотрела на Машу с таким обожанием и восхищением, словно не верила, что эта девочка – ее родная дочь. Мэри Маклоглен родилась крепкой, рыжеволосой, синеглазой крикуньей, и Марго первые три месяца просто места себе не находила, на ходу приучаясь быть матерью. Джеф помогал как мог, но основная часть забот лежала, разумеется, на Марго. Она похудела, осунулась, но утренняя улыбка только что проснувшейся Маши всегда компенсировала ей все затраты и наполняла жизнь смыслом.

– Сейчас мы поедим и пойдем с тобой на улицу, – приговаривала Марго, кружась по кухне с девочкой на руке. – Маша поест, мама поест – и пойдем. Нужно продукты купить, ужин приготовить... папа сегодня поздно придет, у него встреча какая-то...

Зазвонивший телефон отвлек ее. Придерживая дочь на колене, Марго взяла с подоконника мобильный. На дисплее высветилось «Алекс»...

– О черт, ну, пожалуйста – только не это... – простонала Марго, мучительно размышляя, отвечать ли. Никогда эти неожиданные звонки не несли ничего приятного. Но она все же решилась, зная, что Алекс будет трезвонить до тех пор, пока она все-таки не ответит – так зачем оттягивать.

– Алло.

В трубке послышался вой, и Марго даже не сразу разобрала, кто говорит. Вернее, кто издает эти звуки, похожие не то на стон, не то на рыдания.

– Алекс? – неуверенно спросила она, и только по хриплому, похожему на всхлип «да» поняла, что это действительно Призрак. – Что с тобой? Что-то случилось?

– Маргоша... ее нет...

– Что?! – Марго едва не в голос вскрикнула, позабыв на секунду о собственной дочери. – Что ты говоришь?!

– Ее забрали... забрали, Марго... что мне делать? Скажи, что я должен делать? – провыл Алекс, пугая ее все сильнее, – никогда прежде она не слышала *таких* ноток в его голосе, *таких* оттенков, *такой* беспомощности. – Мне некому позвонить и сказать об этом... только ты, Марго...

– Господи, Алекс, что произошло? Куда ты опять влез?

– Ты можешь приехать ко мне?

Этот вопрос поставил Марго в тупик. Ей вдруг почудился какой-то подвох, ловушка, но потом она подумала, что даже Алекс не может быть столь циничным, чтобы выдумать историю с похищением собственной и – Марго это прекрасно знала – горячо любимой дочери.

– Алекс, возьми себя в руки. Я не могу сорваться и улететь, у меня маленький ребенок.

– Прости... Мэри, да?

– Да.

– Марго... я умоляю тебя, я никогда не просил... – голос Алекса срывался, в нем слышались с трудом сдерживаемые рыдания. – Ты нужна мне сейчас... клянусь, я отпущу тебя потом – сразу, как только ты захочешь... но сейчас, Марго... у меня нет никого роднее тебя... помоги мне... я схожу с ума, Марго, я не знаю, как жить, если с Маргошей что-то случится...

– Перестань! – выкрикнула Марго. – Не смей так думать, с ней ничего не случится, слышишь – ни-че-го!

– Приезжай, Марго...

– Алекс, я... – Но он уже отключился, оставив ее в растерянности.

Марго села на табуретку, удобнее перехватив Машу, и заплакала. Жалость к маленькой девочке, которую она знала едва не с того момента, как та начала ходить, и к бывшему мужу, попавшему в настоящую заваруху, переполняла ее душу. Каким бы чудовищем ни казался ей порой Алекс, Марго представить не могла, что кто-то мог покуситься на ребенка. Хотя именно дети всегда оказываются заложниками ситуации, разменной картой во взрослых играх, и Алекс должен был предусмотреть это. Марго много раз говорила ему, что девочке было бы лучше с родственниками матери, но упрямый Алекс всеми правдами и неправдами старался оставить дочь у себя, и вот что вышло в итоге.

Разумеется, она никуда не поедет. Во-первых, у нее маленькая дочь, во-вторых, муж, которому никак не объяснишь причину. Да и вряд ли Джеф поймет – кто бы понял?

Но все оказалось иначе.

Вечером муж вернулся хмурый и чем-то явно обеспокоенный, практически не разговаривал с Марго, не взял, по обыкновению, на руки малышку Мэри, а ушел в спальню и лег там, не включая света. Это было странно. Обычно Джеф старался как можно больше внимания уделять и дочери, и жене, и такое поведение насторожило Марго.

Она, стараясь не шуметь и не мешать, уложила Машу спать в коляске, откатила в большую комнату и села в кухне с книгой. Зачитавшись, даже не заметила, что на часах уже почти два. Внезапно из спальни показался Джеф, всклокоченный и хмурый по-прежнему. Он вошел в кухню, открыл холодильник и вынул бутылку виски. Провожаемый удивленным взглядом жены, Джеф достал стакан, налил его почти до краев и залпом выпил.

– Есть повод? – не выдержала Марго.

Джеф сел напротив нее, сложил на столе огромные руки и уронил на них голову. Марго погладила его по затылку:

– Что с тобой?

– Я в затруднении, Марго. Не знаю, как быть.

– Расскажи, подумаем вместе.

Джеф замотал головой, стряхивая руку жены:

– Это не та тема, которую я могу обсуждать с тобой.

Марго сразу насторожилась. В их семье была только одна тема, которую Джеф ни при каких условиях не обсуждал с женой, и эта тема касалась его периодических отлучек на неопределенный срок. Всякий раз Марго убеждала себя, что все в порядке, но привыкнуть не могла. И вот, значит, опять... Но почему Джеф выглядит таким расстроенным? Можно подумать, впервые.

– Тебя что-то беспокоит, Джеф? Я же вижу – что-то не так.

Он поднял на нее мутные глаза и прохрипел:

– Все не так, Марго. Я подставил тебя.

Она только вздохнула. Джефа периодически начинало мучить чувство вины за то, что жена тяжело переживала эти его отъезды. Но никогда при этом он не позволял себе стакана виски и вот такого выражения лица.

– Джеф... Я уже не наивная девочка...

– Я очень прошу тебя, Марго, не говорить сейчас ничего, – прервал он. – Не надо, ладно? Просто помолчи и посиди здесь, со мной. Я должен принять самое тяжелое решение в жизни. И сделать это надо быстрее, иначе...

Что «иначе», Джеф не договорил. Он снова уронил голову на руки и умолк надолго. Мерно тикали часы над столом, за окном то и дело раздавались звуки пролетающих машин – даже ночью Москва не засыпает так, как провинциальные города. Марго вслушивалась в эти звуки и молчала. В душе скреблось что-то непонятное, как маленькая мышка в темном углу.

«День какой-то, – думала Марго, разглаживая пальцами белую крахмальную скатерть. – То Алекс, теперь вот Джеф... Когда же я начну жить спокойно? Постоянно происходит что-то. Хорошо еще, что эта мамзель с рукописью сегодня не приставала. Кто это, действительно? Не удивлюсь, если кто-то из прошлого Мэри – у нее всегда было полно как поклонников, так и недругов».

– Марго, иди спать, – пробормотал Джеф, отвлекая ее от раздумий.

– А ты?

– А я не усну.

Муж встал и подошел к окну, отодвинул тонкую сетчатую занавеску и открыл окно. В кухню хлынул промозглый мартовский воздух, и Марго невольно поежилась. С Джефом творилось что-то непонятное, никогда раньше она не видела мужа в таком состоянии. Ей казалось, что Джеф – это скала, о которую разбиваются все житейские неприятности, а сейчас все обстояло с точностью до наоборот. Марго чувствовала, что на этот раз ему самому нужны помощь и поддержка, только вот никак не могла понять, в чем именно.

Она встала и, протиснувшись между столом и подоконником, подошла к Джефу сзади и обняла, прижалась лицом к спине. Он тяжело вздохнул, развернулся в ее руках и, согнутым пальцем приподняв голову за подбородок, заглянул в обеспокоенные глаза:

– Марго... я очень прошу тебя, пойди в комнату и ляг. Скоро проснется Маша, а ты совсем не отдохнула.

– Почему ты скрываешь от меня свои проблемы?

– Потому что не хочу втягивать тебя в них, – совсем прежним тоном сказал Джеф и легко чмокнул Марго в нос. – Не нужно это, понимаешь? Да и проблем особых нет, не выдумывай. И вообще... мне кажется, тебе стоит поехать к моей матери.

– Куда?!

– В Дублин, к матери. Возьмешь Машу, поживете там, ты развеешься.

Эта в общем-то невинная фраза насторожила Марго. В Дублин они ездили вдвоем, и Джеф никогда не предлагал ей остаться там без него. Да и вообще – он предпочитал не выпускать жену из поля зрения.

– Джеф!

– Что, дорогая? – Он постарался изобразить беззаботность, но это не удалось, и Джеф, чуть смутившись, отвел глаза. Марго требовательно заглядывала ему в лицо, не давая отвернуться:

– Ты держишь меня за дурочку, да?

Он улыбнулся как-то грустно, погладил Марго по волосам и решительно подтолкнул в сторону двери:

– Все, Марго, пора спать.

Разговор окончен, поняла Марго. Она ссутулила плечи и побрела в большую комнату, поправила сбившееся одеяльце дочери, сбросила халат и прилегла на диван, поджав к животу колени. Диван печально скрипнул, вежливо напоминая о своем преклонном возрасте, – он помнил Марго еще совсем молоденькой девушкой. Но она никак не желала сменить его на что-то более удобное и современное. Этот диван в свое время облюбовала Мэри-старшая, как и уютный угол в кухне между столом и подоконником, прямо под часами. Всякий раз Марго, присаживаясь на диван, словно чувствовала присутствие подруги – вот она сидит, подобрав под себя ноги в длинных белых гетрах, кутается в халат или длинный вязаный кардиган и молчит, только смотрит испытующе – как просвечивает насквозь рентгеном. Ей так не хватало ее, так хотелось, чтобы Мэри была рядом, видела, как растет Маша, как изменилась сама Марго. Но – невозможно.

В коридоре раздались шаги, и Марго плотно зажмурила глаза, чтобы Джеф подумал, будто она спит. Муж на цыпочках подошел к дивану, постоял пару секунд, поправил плед на

ногах Марго и вышел. Она услышала, как он роется в карманах висевшей на вешалке куртки, как, стараясь не шуметь, снова идет в кухню и отодвигает стул.

– Аллю. – Марго напрягла слух, затаила дыхание, стараясь не пропустить ни слова. – Да, это я. Нет, я не готов. Я не могу объяснить. Нет. Что угодно – но не это. Я понимаю, но... Да, я понял.

Разговор прервался, шелкнула зажигалка, за ней – кнопка электрического чайника, и на какое-то время из кухни не доносилось ни единого звука, кроме шума закипающей воды. Марго боялась дышать – она прекрасно понимала, что сейчас муж разговаривал с посредником и что, скорее всего, он отказался от какой-то работы. Только странно – почему столько эмоций? Джеф и раньше отказывался от каких-то дел, и ничего не происходило, уж, во всяком случае, он не выглядел так, словно вот-вот случится что-то ужасное.

Муж снова звонил кому-то, но на сей раз Марго не поняла из разговора ни слова – Джеф перешел на какой-то арабский язык, и она от досады чуть не взвыла – как узнать, что происходит?!

Незаметно для себя Марго уснула. Ей снился странный сон. Вот она лежит в наполненной до краев ванне, утопая в зеленой от соли воде, вокруг – сугробы пены, а на бортике ванны сидит Мэри в длинной черной юбке и строгой белой блузке. Она курит, прикладывая губами к своему длинному мундштуку, а в другой руке держит бокал с напитком ярко-красного цвета. И такой же бокал – в руке Марго. Они улыбаются друг другу, делают мелкие глотки, и вдруг Мэри спрашивает:

– Как ты думаешь, что это? – кивая на бокал.

Марго смеется:

– Выглядит как кровь.

И в этот момент бледное лицо Мэри начинает заливаться румянцем:

– А ведь это она и есть, Марго. Знать бы только, чья...

Резко открыв глаза, Марго даже не сразу поняла, где находится, что с ней. Переведя взгляд в сторону, она поняла, что проспала даже тот момент, когда в коляске проснулась Маша. Только горячая ладонь Джефа, опустившаяся на обнаженное плечо, привела ее в чувство. Марго села на диване, сонно хлопая ресницами, и по привычке зашарила рукой по столику в поисках яблока. Джеф, усмехнувшись, подвинул к ней вазу, и, когда Марго, хрупнув, откусила кусок от сочного красного бока, произнес:

– У тебя есть три часа на сбор вещей.

Эта фраза моментально вернула Марго в реальность. Она отложила яблоко, машинально взяла у мужа ребенка, прижала к груди и переспросила:

– У меня есть что?!

– Три часа на сборы, Марго. Ровно три часа. По дороге я все объясню.

Никогда в жизни ей не приходилось собираться с такой скоростью. Марго не соображала, что делает, какие вещи бросает в чемодан, и только вмешательство мужа заставило ее взять себя в руки.

– Джеф... ради бога, объясни, что все это значит? – спросила она, когда последняя «молния» на чемодане была закрыта.

Джеф только вздохнул. Нежелание говорить, попытка скрыть правду всегда приводили Марго в бешенство. Но, наученная горьким опытом жизни еще с Алексом, она никогда не позволяла себе давить на мужа.

Сидя в машине, она прижимала к себе уснувшую дочь, одетую в теплый комбинезон, и боялась задать Джефу вопрос о том, куда именно они едут. Марго понимала – случилось что-то, и потому муж старается убрать ее из города, из страны. Но страх перед неизвестностью был куда ужаснее самого внезапного отъезда.

На парковке в Домодедове Джеф помог жене выйти из машины, достал из багажника чемодан и закурил:

– Давай постоим секунду.

Марго поправила капюшон пальто и удобнее перехватила так и не проснувшуюся Машу. Кругом то и дело сновали люди с чемоданами, проезжали машины в поисках места для парковки. Кто-то прилетал, кто-то улетал, одни встречали, другие провожали – аэропорт жил привычной жизнью. Марго вспомнила, как раньше встречала здесь Мэри, как бежала по этой самой парковке к зданию, как нетерпеливо подпрыгивала на одном месте, напряженно вглядываясь в стеклянную стену зала прилета, стараясь первой увидеть подругу в толпе пассажиров, ожидавших багаж. Как потом они, обнявшись, шли сюда, к машине, и Мэри на ходу курила, а потом, забравшись в салон, вынимала из сумки-мешка небольшую фляжку с коньяком и делала пару глотков. И все это означало несколько дней сплошного счастья, когда ничего больше не существовало – только общение с любимой подругой, бессонные ночи за разговорами, походы по танцевальным магазинам и ателье, примерки, конкурсы, атмосфера праздника, карнавала, радости. И как потом, когда Мэри исчезала в терминале, все меркло и превращалось в скучные, серые будни, каким одиноким и ужасным было возвращение домой...

– Ну что ты, родная? – Джеф истолковал расстроенное выражение лица жены по-своему и отчасти был прав – расставания всегда приводили Марго в ужас, словно это окончательно, навсегда.

– Ты... ты ведь приедешь за мной? – Марго заглянула мужу в глаза и вздрогнула. Джеф смотрел так, как будто прощался. – Джеф! – почти вскрикнула она, вцепившись свободной рукой в полу его куртки. – Джеф, не надо! Не пугай меня... – Марго заплакала, роняя слезы на комбинезон Маши.

Джеф молчал. Никакие слезы жены, какую бы боль они ему ни причиняли, не заставили бы его сказать ей правду. Он и сам никак не мог осмыслить то, что происходило. Много лет назад, подписывая контракт на обучение в лагере пакистанских террористов, Джеф прекрасно понимал – выхода не будет. Можно войти, можно продержаться довольно долго – но выйти и покончить с прошлым никогда не удастся. Не он – так его, это неизбежно. Только однажды он позволил себе слабость – женитьбу на Марго, но не жалел об этом. Разве что сейчас, когда его девочки подвергались реальной и серьезной опасности. Если он не выведет их из-под удара, то не сможет сам избежать неприятностей. А в том, что они будут, Джеф не сомневался. Слишком уж отличалось от всех предыдущих нынешнее задание. И отказ выполнить его неминуемо угрожал и ему, и его семье. А потому будет лучше, если Марго с Машей окажутся как можно дальше отсюда.

Алекс

Он метался по опустевшему дому как тигр с больным зубом. Никаких звонков, никаких требований, дочь просто пропала – и все. Но Алекс прекрасно знал – их не будет. Ему и так хорошо известны условия, выполнить которые он не в состоянии. Все, что угодно, – только не это. Но жизнь единственной дочери... На кону слишком много, на двух чашах весов лежит то, что ему дорого, – и он не в состоянии сделать выбор, впервые не в состоянии.

Телефон звонил где-то на втором этаже, Алекс кинулся вверх по лестнице, схватил трубку:

– Алло!

– Она вылетела с ребенком в Дублин, пересаживаться будет в Лондоне. Я передал ее Стиву.

– Да, хорошо, я понял.

Отбросив телефон, Алекс обессиленно рухнул на кровать, чувствуя слабость и головокружение. Болело в груди, давило как асфальтовым катком. Джеф отправил Марго из Москвы... Значит, что-то произошло, просто так он не решился бы отпустить жену одну с маленькой дочерью в Ирландию. Привычка знать о Марго все сослужила неплохую службу. Взглянув на настенные часы, он понял – успеет. Сорвавшись с кровати, Алекс схватил документы и бумажник, сунул их в карман и помчался в аэропорт.

Через несколько часов он уже прогуливался в Хитроу, ожидая посадки московского рейса. Между рейсами Марго было порядка четырех часов, следовательно, она получит багаж и пойдет регистрироваться к стойке авиакомпании.

Он увидел ее сразу, едва подошел к залу прилета. Высокая крупная женщина в длинном черном пальто, с ребенком на руках. Она так и не привыкла носить шапку – он помнил это еще со времен первого знакомства, уже тогда Марго – совсем еще девочка – не признавала головных уборов, предпочитая не прятать свои чуть выющиеся густые каштановые волосы. Вот и сейчас они свободно спускались почти до лопаток, вызывая неподдельную зависть у шедшей за ней следом худосочной блондинки с явно нарощенными локонами-«веревками». Маленькая девочка не спала, крутила головкой в белой шапке и плакала. Марго нервничала, пытаясь успокоить дочь, и одновременно следила за медленно выползавшими на ленте транспортера чемоданами, высматривая свой. Наконец она нашла его, одной рукой еле свалила на пол, выдвинула ручку и покатила к контролю, на ходу уговаривая девочку не плакать. Алекса она не заметила, прошла мимо, окутав знакомым запахом, от которого у него внутри что-то дрогнуло. Он двинулся следом, догнал, взялся за ручку чемодана, и Марго, вздрогнув всем телом, остановилась и узнала его.

– Ты?! Что ты... как... как ты узнал?! – выдохнула она, машинально прижав к себе ребенка.

– Идем отсюда, Марго, я потом все объясню.

– У меня самолет через...

– Ты никуда не полетишь, – отрезал он решительно. – И не заставляй меня орать, я не в состоянии. Просто поверь – так нужно, так будет лучше.

Однако Марго уперлась:

– Ты совсем сдурел?! Меня ждут в Дублине!

– Подождут. Позвонишь и скажешь... ладно, потом придумаю. А сейчас – я тебя прошу, Марго, идем. Мне нужно еще успеть купить тебе билет.

– Какой билет, куда?!

– Мы летим в Цюрих, а потом, когда я найду Маргошу, уедем в другое место. Молчи! – увидев, что она собирается снова возразить, предостерег Алекс. – Не усложняй жизнь мне, себе и Джефу.

– При чем тут Джеф? – моментально насторожилась Марго.

– Слушай, может, хватит этих разговоров в переходе, а? Идем, я куплю билеты и потом расскажу тебе все, что ты захочешь узнать, – устало сдался Алекс, и Марго, помедлив секунду, послушно двинулась за ним.

Они коротали время до вылета в зале для VIP-пассажиров. Алекс с любопытством изучал Марго в роли матери. Ей эта роль пришлась впору, она ворковала над малышкой, кормила ее из бутылочки, забавляла погремушкой, то и дело поправляла что-то, вытирала и постоянно светила счастливой улыбкой. Эта новая Марго совершенно не обращала на него никакого внимания, поглощенная исключительно своей дочерью. Алекс покашлял в кулак, пытаясь отвлечь Марго, но та даже бровью не повела.

– Игнорируешь? За что?

– Ты никогда не изменишься, да? – Марго наконец соизволила поднять глаза и удостоить его своим вниманием. – Удивляюсь я тебе. У тебя ребенок пропал, а ты...

– А я пытаюсь сделать так, чтобы и с твоим ребенком ничего не случилось! – рявкнул он, мгновенно вскипев. – О чем ты думала, когда выходила замуж?!

– Тебя забыла спросить! Я так надеялась, что ты отстанешь от меня! Я хочу жить своей жизнью, понимаешь?! Своей – а не оглядываться при каждом шорохе за спиной, вдруг это снова ты явился!

Маша на ее руках заплакала, испуганная материнским криком, и Марго встала, заходила туда-сюда, покачивая дочь на руках.

– Алекс, уймись уже! Я замужем, у меня вон дочь растет – оставь нас в покое!

– Ты прекрасно знаешь – я не трогал тебя достаточно долгое время. Мы не виделись с того момента, как умерла Мэри! Но сейчас обстоятельства изменились, и я не могу сидеть и смотреть, как с тобой и твоей дочерью случится что-нибудь!

– Да ты хоть Мэри-то не трогай! – вдруг зашипела Марго, наклонившись к самому его лицу. – Не трогай Мэри – ведь это же ты ее убил!

Алекс чуть отпрянул, но выражение лица не изменилось, даже в глазах ничего не блеснуло, как обычно бывало, если Марго оказывалась права.

– Не говори того, о чем не знаешь, а особенно не делай этого вслух и так громко, – спокойно посоветовал он. – Ты не знаешь, кто может стоять у тебя за спиной в этот момент.

Марго в испуге оглянулась, вызвав у него смех. Зал был почти пуст, кроме них, еще пожилой мужчина, погруженный в чтение газеты, и молодая пара, самозабвенно обнимавшаяся в дальнем углу. Марго разозлилась, отошла и села на диван, отвернувшись так, чтобы не видеть Алекса. «Снова попалась, как дура», – читалось на ее лице.

Алекс же украдкой взглянул в большое окно и вниз, в общем зале, увидел Стива – коренастого длинноволосого блондина в спортивном костюме. Тот прогуливался у газетного киоска, небрежно перекинув через плечо ремень от кофра с теннисными ракетками. Во внутреннем кармане завибрировал мобильный, и Алекс ответил, но в последний момент встал и отошел как можно дальше от Марго – он прекрасно помнил о ее любви подслушивать все его разговоры.

– Тебя нет дома.

– Да, я отлучился по делам. Скоро буду.

– Я просто хотел убедиться, что ты не собираешься сбежать, Алекс.

– Не собираюсь. С девочкой все в порядке?

– С какой девочкой?

Этот ответ заставил Алекса на секунду онеметь.

– С моей дочерью.

– Не понял... – голос собеседника стал растерянным, и Алекс почувствовал, что начинает паниковать – его дочь явно не у тех, о ком он думал. Посредники не имеют понятия о том, что Маргоша исчезла. – Что ты хочешь сказать?

– Моя дочь пропала.

– И ты решил, что это я?!

– А что я должен был решить? Наш разговор окончился не на дружеской ноте.

– Но ведь это не значит, что я тут же распорядился похитить ребенка!

– Да, извини.

– Слушай... Давай пойдем на компромисс. Ты поможешь мне, а я помогу тебе найти дочь.

– Я же сказал – это не та работа, за которую я готов взяться.

– Ты сейчас не в том положении. Есть только один выбор – с кем ты, со мной или на противоположной стороне. И все. Обстоятельства сложились таким образом, что ты не можешь позволить себе отказаться. Реши, со мной ты или с конкурентом, от этого сейчас зависит все. Тебе придется принять новые правила – или я вынужден буду списать тебя, чтобы... – собеседник оборвал фразу, часто задышал, успокаиваясь, и через минуту сказал совершенно ровным тоном: – Алекс, у тебя есть еще пара недель. Подумай. Мое обещание помочь найти ребенка в силе.

Сунув в карман телефон, Алекс покосился на Марго – она по-прежнему сидела спиной к нему, чуть покачивалась и смотрела куда-то в окно, за которым то и дело взлетали и садились самолеты. Он подошел и встал сзади, заложив руки за спину и покачиваясь на носках. Марго даже не заметила его присутствия, задумчиво перебирала пальчики спящей девочки и о чем-то думала.

– Марго...

– Не трогай меня.

– В чем дело?

Она развернулась так резко, что Алекс отступил на шаг назад.

– В чем дело?! Да ты чудовище, Алекс! Даже я, как подумаю, что Маргоша где-то у чужих людей, и то от ужаса дышать не могу, а ты! Ты разгуливаешь здесь с непроницаемым лицом!

– Было бы лучше, если бы я носился как перепуганная наседка?! – зашипел он. – Я делаю, что могу! И точно знаю, у кого ее *нет*! А это в сто раз важнее – что ее нет именно там, где я думал!

– А... где же она тогда? – чуть сбавила тон Марго.

– Если бы я знал, то не сидел бы тут с тобой! – огрызнулся Алекс с досадой. – Сейчас довезу тебя до дома и буду думать.

Они больше не разговаривали до самого Цюриха. Марго занималась ребенком или дремала, Алекс же напряженно рассуждал, временами чувствуя, что вот-вот сойдет с ума. Ничего не складывалось. Если посредник не трогал Маргошу – кто тогда? Кому могла понадобиться его дочь? Зачем? И почему молчат, не требуют ничего? Бред...

К чему была брошена фраза про выбор стороны? Неужели в конторе какой-то раскол и боссы делят между собой исполнителей? Это скверно. Много лет посредническая контора работала как единый, четко выверенный и отлаженный механизм, без сбоев и осечек. Репутация была для организаторов опасного бизнеса по устранению неудобных кому-то людей на первом месте, они дорожили своим реноме и никогда не позволяли себе действий, способных его разрушить. Но сейчас что-то явно пошло не так, и задание, которое так настойчиво подсовывал Алексу посредник, служило тому подтверждением. И это плохо, очень плохо – прежде всего для него самого. Потому что гарантий собственной безопасности в этом случае у Алекса тоже больше не было. Если это раскол, то под прицелом каждый, кто причастен. Хуже всего

оказаться на мушке у бывшего «сослуживца», ибо случайных людей или «спортсменов-разрядников», как называл любителей легких денег Большой Босс, в конторе не держали.

Эти мысли донимали, а сильнее беспокоило непонимание ситуации, невозможность просчитать, угадать что-то наперед. Алекс привык контролировать свои действия и просчитывать шаги на два вперед, а сейчас это оказалось практически невозможно. Работать вслепую он не хотел, а правду ему, разумеется, никто не скажет. Двигаться на ощупь рискованно – велик риск ошибиться и выбрать неправильную тактику, обреченную на провал. Выхода он не видел, и это раздражало.

И Марго... Ее молчание тоже нервировало. Интересно, она собирается и дальше игнорировать его? Как объяснить ей, что единственно правильным решением было перехватить ее и увезти, потому что рядом с ним она будет в безопасности, а в доме матери Джефа – нет? Если бы только он мог сказать ей все...

Наверное, впервые в жизни его душила необходимость выговориться, выложить все, что накопилось в душе за долгие годы. Но Алекс прекрасно понимал, что сказать – значит обречь Марго на смертельную опасность. Потому что знать – это уже стать причастной.

Свидетелей никто не любит.

Марго

«Я никогда не избавлюсь от него, – с тоской думала Марго сперва в кресле «Боинга», а потом на заднем сиденье машины Алекса. – Как мне теперь объяснить все Джефу? Не поверит – и будет прав. Господи, неужели в этом мире нет женщины, способной встряхнуть Алекса и отвлечь так, чтобы в голове больше ничего не помещалось? Даже исчезновение ребенка его не изменило... Мэри была права – он не человек, киборг без сердца, машина для убийства, бесчувственный ублюдок».

Она чувствовала себя совершенно беспомощной и полностью зависящей от воли Алекса. В очередной раз он сделал все по-своему, заставил ее подчиниться. Но что она могла сделать? Не убегать же от него в Хитроу, призывая полицию! И что теперь говорить мужу, как объяснять, почему вместо Дублина она оказалась в Цюрихе, да еще и в компании Алекса?

И сам факт присутствия в доме, где когда-то они жили с Мэри, тоже не добавлял радости и оптимизма.

«А ведь Алекс опять уклонился от разговора о ее смерти, – вдруг подумала Марго, прокрутив в голове беседу в аэропорту. – Опять – в который раз, как Джеф! Неужели я все-таки права? Какой ужас, если я права... Я столько всего о нем знаю, но это! Как мне пережить, если это правда? Как знать, что он убил моего близкого человека? Я возненавижу его и могу не сдержаться...»

Пока она накручивала себя, машина остановилась у знакомого дома, и Алекс, выбравшись из-за руля, открыл ей дверку, помогая выйти.

– Не стой долго на открытом пространстве, – процедил он, оглядываясь по сторонам.

Марго фыркнула, но поторопилась быстрее оказаться у входной двери.

В его доме ничего не изменилось – разве что появилась фотография Мэри, при одном только взгляде на которую у Марго выступили слезы. Это была та самая фотография, которую Алекс увидел на экране компьютера Марго и с которой, собственно, начались их с Мэри непостижимые отношения. На снимке Мэри сидела, опираясь подбородком о скрещенные на спинке стула руки – прямой взгляд в объектив, а казалось, что в душу, – она умела так смотреть, вызывая порой у Марго не самые приятные ассоциации. А Алекс, видимо, за этот взгляд и зацепился, потому что назвать Мэри сногсшибательной красоткой не могла даже Марго, истово любившая подругу и не видевшая в ней недостатков. Внешность Мэри была далеко не фотомodelьной, но изнутри прорывалось нечто такое, что заставляло вообще не замечать, как она выглядит. Марго, сбросив пальто, прошла к стене и прикоснулась пальцами к стеклу, скрывавшему снимок.

– Мэри... – прошептала она, глотая слезы. – Мэри моя...

Алекс быстро пересек комнату и сдернул фотографию со стены.

– Зачем? – запротестовала Марго, но он, сверкнув глазами, положил рамку на рояль стеклом вниз.

– Мне надо было сделать это до твоего приезда, но я не успел. Прости.

– Если ты думаешь... – начала Марго, но Алекс перебил:

– Я знаю, что ты не ревнуешь меня к ней. Дело не в том. Ты думаешь, мне не больно видеть ее вот так – каждый день?

– Больно? Тебе? – зло бросила Марго, присев на диван.

Она вытерла слезы и начала раздевать дочь. Алекс удивленно покосился на нее – такая вспышка злобы у Марго была для него в новинку.

– А ты что же думаешь, что я не способен испытывать эмоции?

– Ты? Знаешь, я раньше много думала о тебе. Ты казался таким идеальным, таким... – она чуть задохнулась, нервно сжав в руке белую шапочку Маши. – Не знаю, непогрешимым, что ли, при всем, что я о тебе знала. Но потом я поняла – а ведь Мэри права, ты же киборг, ты не человек, Алекс. Зачем ты живешь, а?

– Я скоро умру, Марго.

– Ты даже сейчас не можешь быть серьезным! Даже сейчас! К чему ты сказал это?

– Действительно, ни к чему. Твоя комната по-прежнему наверху, располагайся, ты здесь не в гостях.

Алекс развернулся и ушел, оставив Марго в гостиную в полной растерянности.

Раздев Машу до ползунков и кофточки, она присела в кресло, машинально покачивая девочку на коленях. Нужно было позвонить Джефу, но Марго оттягивала этот момент, боясь признаться мужу в том, что она не в Дублине. Неизвестно, как поведет себя Джеф, которому любое упоминание об Алексе всегда действовало на нервы. Но звонить все равно придется, поэтому лучше не оттягивать и сделать это сразу.

Телефон оказался на самом дне огромной сумки-мешка, набитой всякой всячиной. Марго и раньше отличалась любовью носить в сумке набор бестолковых предметов, а с появлением ребенка эта привычка приняла размер мини-катастрофы. Там можно было обнаружить все – от запасного памперса до пустышки в прозрачном футляре, от тюбика детского крема до влажных салфеток. И это не считая косметички, еще одной – с лекарствами на все случаи жизни, бумажных платочков, расчесок, кошелька, бумажника с документами... Сейчас Марго, не церемонясь, вывернула все это прямо на пол, не заботясь о том, что подумает маниакально аккуратный Алекс, если вдруг спустится в комнату, нашла телефон и, включив его, набрала номер мужа.

Джеф долго не отвечал, и Марго охватило беспокойство – его взгляд в аэропорту снова с фотографической точностью отобразился в памяти, и в голове моментально начали возникать не самые приятные мысли. Но вот раздался голос, и она с облегчением выдохнула:

– Джеф, с тобой все в порядке?

– Со мной – да. А вот куда делась ты? – и в его тоне Марго услышала – все знает.

– Джеф, я объясню...

– Не надо объяснять, Марго. Ты совершила самую большую ошибку из всех. Ты даже не понимаешь, что ты сделала.

– Ты позволишь мне сказать, как все было? – вклинилась она решительно. – Если ты думаешь, что я по своей воле оказалась тут, то ты либо плохо меня знаешь, либо... – Марго чуть задохнулась от обиды и возмущения, но справилась с собой и продолжила: – Либо ты просто глуп, Джеф, уж прости меня. Я никогда – ты слышишь – никогда не пошла бы к нему сама, потому что все давно закончилось, потому что я уже давно люблю другого человека, у меня дочь! Как же ты можешь обвинять меня?!

Она едва не плакала от обиды на мужа – как он мог не верить, сомневаться? Как мог думать о ней плохо, как смел?!

– Марго, если сейчас ты врешь, то впоследствии не простишь себе этого. Я надеюсь, что смогу помочь тебе выпутаться, но ты своим отъездом очень усложнила мне жизнь.

Голос Джефа звучал расстроенно и глухо, Марго разволновалась еще сильнее, не понимая причины этих слов. Они оба ни разу не называли Призрака по имени, но прекрасно понимали друг друга и говорили именно о нем.

– Я не вру, Джеф! Я действительно сама испугалась, когда увидела его в аэропорту, но ты подумай – что я могла? Звать полицию?

Джеф помолчал, потом тяжело вздохнул:

– Нет, детка, ты все сделала правильно. Ты оказалась одна с ребенком в чужой стране, а мой человек не смог сориентироваться. Вернее, это я не проинструктировал его, потому что

не ожидал такого поворота. Сейчас главное – не спровоцировать его ни на что, ты помни – у тебя ребенок. Марго, береги Машу.

– Джеф, объясни по-человечески! – закричала Марго, не сумев удержать рвущийся наружу страх. – Я не могу жить в неопределенности!

– Не сейчас, Марго. При возможности смени номер телефона, хорошо? Я люблю тебя, детка, помни об этом.

Джеф положил трубку, и Марго, сразу повторно набрав номер, убедилась, что связи нет. Нервы сдали окончательно, и она разрыдалась, сев на пол среди вывернутых из сумки вещей.

Алекс

Он закрыл за собой дверь спальни, заперся на ключ, словно боялся, что Марго вдруг захочет вновь завести какой-то разговор, и вытянулся на кровати, уставившись в потолок.

Опять Мэри... В последнее время это стало происходить с ним все чаще – приступы слабости и вслед за ними мысли о Мэри. В такие моменты Алекс безвольно ложился на кровать и истязал себя воспоминаниями, воскрешая в памяти какие-то слова, сцены, телефонные разговоры, прогулки в парке.

Их разговоры всегда были странными. Иногда у него возникало ощущение, что собеседница не вполне нормальна – хотя кто мог поручиться за его собственную адекватность в такие моменты? Мэри всегда вызывала в нем противоречивые чувства и такие же противоречивые желания. Алекс смотрел на нее, сидящую в кресле с мундштуком в длинных пальцах, и в его душе рождались одновременно любовь и ненависть – ну как, как эта женщина могла позволить себе не поддаваться ему? Как могла спокойно говорить «нет» и игнорировать призывные волны? Как могла держать его на расстоянии? Его – к ногам которого падали самые известные и красивые женщины, женщины, которых хотели миллионы? Ему стоило только чуть заметно дернуть бровью – и любая готова была ползти за ним. А эта... совершенно обычная колючка с невыносимым характером ухитрялась вести себя так, что это он был готов на все за мимолетную улыбку, за согласный кивок гордо посаженной головы. Подобное ощущение было Алексу ново и крайне неприятно, но именно оно подстегивало, разжигало азарт. Он часто сравнивал свои чувства к Марго и к Мэри и понимал: совершенно разные эмоции. Марго он любил нежно, как ребенка – да по сути она так и осталась для него той семнадцатилетней девочкой, которую он увез прямо с улицы, сделал своей женой, которую искалечил и едва не убил. Это был его крест, который он обязан нести всю жизнь, – но подобная ноша не тяготила его, скорее наоборот: Алекс искренне боялся потерять Марго, а потому отчаянно противился любым ее попыткам построить серьезные отношения с другим мужчиной.

С Мэри – иначе... Он понимал, что подчинить упрямую норовистую девушку ему не удастся, но тем больше желал победы, тем яростнее шел к ней и добивался ее. Чем больше упиралась и сопротивлялась влюбленная – Алекс это чувствовал – Мэри, тем острее оказывалось желание сломать, добиться. Это была не любовь, а война – жестокая, бескомпромиссная, в которой в итоге все равно не случилось бы победителя. Сломанные игрушки никогда не интересовали Алекса, а Мэри, по всей видимости, не так уж нуждалась в таком трофее, как он, – или она была чересчур хорошей актрисой.

Так или иначе, Мэри больше нет, но ее образ по-прежнему с ним, и все чаще его стали беспокоить воспоминания. «Я старею, – с печальной иронией думал Алекс, когда вновь вспоминал непокорную рыжую танцовщицу. – Ко мне начали приходить призраки прошлого».

Он вспоминал то время, что Мэри провела здесь, в его доме, с каким-то щемящим душу, болезненным удовольствием, словно память могла изменить хоть что-то. Вспоминал, как играл ей вечерами Шопена, как наблюдал за ее реакцией исподтишка, как заставлял ее в спальне разминающейся – в танцевальном трико и туфлях, со спутанными мокрыми волосами. Как находил иногда на ее столе обрывки листков со стихами, удивляясь, почему она уничтожает их. Алексу казалось, что Мэри стесняется своих чувств к нему, боится выражать их и боится, что он, не дай бог, узнает, что она испытывает к нему на самом деле. Но иногда в каком-то мимолетном взгляде видел такую тщательно скрываемую, невыносимую боль, что становилось страшно – ну зачем, за что она так мучает себя, ради чего?

Иногда Алекс пытался вывести ее на эмоции – но это удавалось крайне редко. Однако подобные словесные баталии развлекали его и открывали какие-то новые грани в натуре Мэри. Как, например, однажды...

– Ты никогда не думала, что мы все похожи на животных? Уж если не внешне, то хоть повадками. Вот женщины – они как собаки. Разве только не все такие верные. Да, пожалуй, вообще никто. Не бывает верных женщин. Может, одна на миллион.

Мэри коротко хохотнула, приложила губами к мундштуку и изрекла насмешливо:

– Любишь ты обобщать. А мужчины – как один козлы, правда? А что – все признаки есть, а у многих еще и рога.

– Да, – подхватил он с иронией. – Которыми, кстати, их награждают эти самые верные женщины – те, что на миллион.

Мэри внимательно посмотрела ему в глаза, потом кивнула и подытожила:

– Так я и говорю – у каждого козла должны быть рога. Должны.

Алекс не выдержал и расхохотался:

– Ты, философ сопливый! Что ты про это знаешь?

– Я? – серьезно переспросила Мэри. – Поверь – практически все.

И он понял – пора прекращать разговор, шагнул к ней, положил руку на затылок и грубо притянул к себе, поцеловал почти по-хозяйски. Мэри не сопротивлялась, однако, когда Алекс отпустил ее, встала, вытерла губы с почти брезгливой гримасой и, выходя из комнаты, бросила:

– Н-да... На твои рога надо бы табличку повесить: «Осторожно, если не забодает – так насмерть залижет».

Он тогда разозлился, рванулся было следом, но в последний момент удержал себя – сам виноват, не надо было, и захохотал. Мэри терпеть не могла, когда он поступал подобным образом, но именно это всегда и подстегивало.

Зазвонил телефон, и Алекс, мгновенно стряхнув с себя сонную оторопь, схватил трубку:

– Да, слушаю!

– Ты решил сыграть не по правилам, да?

Алекс мгновенно узнал звонившего и вскипел:

– По твоим правилам я играть не стану! Я всегда устанавливаю свои!

– И надеешься, что я буду подстраиваться? Эти времена прошли. Каждый сам за себя.

– Это ты сказал, не я.

Он бросил трубку и вцепился в волосы. Все запуталось настолько, что, казалось, в этом клубке уже невозможно найти концов.

Марго

Прошло три дня. Джеф больше не звонил, его телефон постоянно отключен, и Марго не могла понять – неужели действительно ревнует ее к Алексу или... Или что-то произошло.

Алекс практически не общался с ней, разве что по вечерам, у камина. Марго спустя многие годы наконец-то научилась не бояться открытого огня, лижущего поленья, и могла без содрогания сидеть в кресле в непосредственной близости к камину. Алекс сделался задумчивым, каким-то отрешенным, больше молчал и постоянно о чем-то думал. Иногда он вдруг брал из рук Марго маленькую Машу и вглядывался в ее личико, словно что-то искал в нем, какие-то черты, знакомые только ему. Марго в такие моменты замирала в кресле, боясь шевелиться. Ей казалось, что Алекс сравнивает ее дочь с кем-то.

Вестей о Маргоше не было, Алекс мрачнел и пропадал где-то целыми днями, возвращался к вечеру разбитый и угрюмый, но где бывает и какие шаги предпринимает, не говорил. Марго искренне сочувствовала ему. Став матерью, она в полной мере ощутила ответственность и все те чувства, которые появляются с рождением ребенка. Зная, как Алекс любит дочь, Марго очень переживала, видя, как он не находит себе места. По ночам ему кто-то звонил, однако разговаривал Алекс всегда на незнакомом языке, а потому Марго, как ни прислушивалась, смысла не понимала.

Вечером четвертого дня он вдруг постучался к ней. Маша уже уснула, и Марго, тоже успевшая задремать, испуганно вскочила, на цыпочках подошла к двери:

– Чего тебе?

– Марго... выйди ко мне.

Она спешно набросила халат, кое-как подколола волосы и вышла. Алекс сидел на верхней ступеньке лестницы, безвольно свесив руки и глядя в пол. Марго остановилась сзади, не зная, что делать. Он вдруг развернулся и, обхватив ее за ноги, уткнулся лицом в колени. Марго в испуге вскрикнула, попыталась освободиться и едва не упала назад, но Алекс держал крепко.

– Прекрати... – испуганно попросила Марго, держа руки почему-то на весу, словно они были мокрыми или грязными, а она боялась испачкать белоснежную майку Алекса.

– Не бойся... – пробормотал он, прижимаясь к ней все крепче. – Я не трону тебя... ты уже слишком моя, чтобы... я не могу так... просто побудь со мной, мне очень плохо, Марго... мне страшно...

Она осторожно опустила руку на его затылок, погладила волосы и поднесла ладонь к лицу, как будто проверяя, не осталось ли на ней следов прикосновения, по которым Джеф потом сможет все понять. Алекс потянул ее вниз, и Марго неловко села, подогнув ноги, оказалась вровень с ним. Ее руки как-то сами обняли его за шею, притянули голову к груди. Алекс сперва замер, напрягся, натянулся весь как струна, но Марго, успокаивающе погладив его, прошептала:

– Т-с-с... ну, что ты... что ты, родной, не надо... это же я... я с тобой... – И он выдохнул, расслабился, обнял ее и затих. – Как же ты измучился, мой бедный... Ничего, скоро вернется Маргоша, все будет хорошо...

– Ты думаешь, она вернется? – обреченно спросил он, испугав Марго. Она даже отпрянула на мгновение, но потом снова прижала его голову к груди и заговорила решительно:

– Не смей даже думать! С ней все в порядке, она вернется со дня на день, вот увидишь. Сразу бери ее и уезжай куда-нибудь отдыхать.

– Ты не понимаешь, Марго. Я попал в очень серьезную переделку, настолько серьезную, что сам удивился. И ты тоже замешана, я ведь не зря тебя сюда привез...

– Та-ак! – почуяв недоброе, протянула Марго и отстранила его от себя. – Началось... Ну, рассказывай, раз заикнулся.

– Я получил заказ убрать Джефа, Марго, – просто сказал Алекс.

Марго онемела, чувствуя, как все тело сделалось чужим. Ужас услышанного парализовал ее.

– Господи... за что? – прошептала она, не чувствуя даже собственной артикуляции.

– Таков бизнес, Марго. Контора раскололась, мы оказались по разные стороны. Ничего личного.

Она с трудом поднялась, опираясь о стену, дошла до двери, ведущей в ее спальню, взялась за ручку и отчетливо проговорила, глядя на Алекса:

– Говорю сразу – меня тоже убей. Вместе с Машей.

– Ты что, Марго?! – Он поднялся и шагнул к ней, но Марго уперлась рукой в его грудь и повторила:

– Ты слышал.

– Марго... – Алекс легко преодолел сопротивление, обнял, крепко прижав ее руки вдоль тела. – Ты ведь помнишь, что я сказал много лет назад? Я никогда не обижу тебя, не причиню вреда. Ты и твоя дочь – о чем ты говоришь, разве я могу?

– Ты собираешься убить моего мужа.

– У меня нет выхода, Марго. Прости.

– Прости?! – взвизгнула она, и Алекс встряхнул ее:

– Тихо! Спит ребенок...

– Ребенок?! Ребенок, которого ты собираешься оставить без отца?!

– Из любой ситуации есть выход. Если ты согласишься, я заменю Маше отца.

– Ты?! Ты... сволочь! – выдохнула пораженная таким цинизмом Марго. – Заменишь отца, которого убьешь?! Сволочь! И она – не Маша, она – Мэри! И уже хотя бы поэтому никогда твоей не будет!

Оглушительная пощечина прервала истерику, и Марго, захлебнувшись слезами, умолкла.

– Прости, – взяв в ладони ее лицо, проговорил Алекс. – Ты ведь знаешь, Марго, что я не люблю истерик. Успокойся.

Она беспомощно всхлипывала, спрятав лицо на его груди.

– Лучше бы ты соврал мне... лучше бы ничего не говорил...

– Ты сама спросила. Не хотела знать правду – не нужно было задавать вопросов.

Крыть оказалось нечем, и Марго виновато опустила голову. Она чувствовала себя приговоренной к смерти. Приговор вот-вот приведут в исполнение, и она уже стоит у стены в ожидании, а палач почему-то медлит, словно наслаждается ее ужасом, ее животным страхом даже не самой смерти – а ожидания ее. Наверное, даже умереть не так страшно, как *ждать*...

– Мне смешно на тебя смотреть, Марго. Неужели ты думаешь, что ради денег я готов на все? – неожиданно спросил Алекс, и она вздрогнула, подняла мокрые глаза. – Ты совсем меня не знаешь, да? Неужели так и думаешь, что я смогу причинить тебе боль?

– Но...

– Марго-Марго... Знаешь, когда я узнал, кто объект, у меня руки отнялись, – грустно усмехнулся он. – Если бы не ты – я бы, может, не сильно расстраивался. Да, напарник, много вместе работали – но у нас не принято выбирать. Но Джеф твой муж, отец твоей дочери. Марго, ты ведь знаешь, как я отношусь к тебе. Неужели ты подумала, что я могу...

Ей стало стыдно. Действительно – Алекс столько раз помогал и лично ей, и Мэри, что подозревать его в неискренности у Марго просто не хватило духу.

– Я ведь тебя сюда и привез, чтобы никому в голову не пришло подстраховаться и перехватить тебя в Дублине. Джеф с тобой отправил парня, но он нас потерял. Зато я теперь могу спокойно думать, как выкрутиться. И потом, не забывай – я считал, что Маргоша у посредни-

ков, и если бы это оказалось правдой, то мои моральные угрызения могли бы слегка усилиться. Скажи – как выбрать между тобой и дочерью?

У Марго перехватило дыхание при мысли о том, что все это могло бы случиться. Действительно, что тогда выбрал бы Алекс? Как можно выбирать? Как ей повезло, что Маргоша оказалась не у тех людей, и именно это ей сказал Алекс еще в Хитроу после телефонного разговора с кем-то. Уф...

– Молчишь? Правильно. Я бы тоже молчал. Пойдем выпьем чего-нибудь. Я в каком-то цейтноте, боюсь сорваться. – Алекс потянул ее к лестнице, и Марго послушно двинулась следом.

Они сидели в полутемной кухне, держа в руках широкие рюмки с коньяком. Марго крутила свою, никак не решаясь хотя бы пригубить, а Алекс тем временем успел выпить две, одну за другой, словно его мучила жажда.

– Мэри любила такой коньяк, – вдруг проговорил он.

– Я помню... У нее в сумке всегда фляжка лежала... Я везла ее из аэропорта, и она курила и прихлебывала коньяк... – Марго всхлипнула, поднесла к губам рюмку и сделала глоток. Напиток обжег горло, прокатился до желудка как сгусток огня, и она закашлялась. – Господи...

– А Мэри пила, не морщась. У нее была плохая наследственность?

– Да, ее отец сильно пил. Мэри боялась, что не сможет себя контролировать и начнет пить так, как он.

– Не заметил я ее страхов. Но ладно – нельзя говорить плохо о мертвых. – Алекс налил себе еще и выпил. – Скажи, Марго, тебе ее не хватает?

– Ты сегодня задался целью доконать меня? Тебе мало? Мало сообщения о том, что ты собираешься убить моего мужа, так ты еще и Мэри решил вспомнить?! – Марго грохнула рюмку на стол с такой силой, что та раскололась прямо у нее в руке, разрезав ладонь. Вид хлынувшей крови чуть остудил ее гнев, заодно приведя в чувство и слегка захмелевшего Алекса.

Он достал из шкафчика аптечку, осмотрел порез и быстро наложил повязку. Марго прижала забинтованную руку к губам и тихо заплакала.

– Ну почему, почему я такая? Вечно со мной что-то происходит...

– Перестань себя жалеть.

Она собралась возразить, как вдруг завибрировал его телефон. Оба уставились на дисплей, где не высветился номер.

– Ты... не ответишь?

– Не поверишь – я боюсь, – шепотом признался Алекс, неотрывно глядя на ерзающий по столешнице мобильник. – Всякий раз боюсь, что произойдет еще что-то...

– Давай я, – предложила Марго, но он отрицательно покачал головой и сам взял трубку.

После пары ничего не значащих фраз он вдруг перешел на немецкий, и Марго перестала понимать суть разговора. Однако выражение лица менялось с каждой секундой, становясь все более злым, а потом и вовсе взбешенным. Выкрикнув последнюю фразу, Алекс бросил трубку и зарычал:

– Черт подери! Только этого мне сейчас не хватало, только этого! Ты знаешь, у кого сейчас Маргоша?!

– Не ори только...

– Да как не орать?! – Алекс вскочил и заметался по комнате. – Как мне не орать?! Я думал, что уничтожил это гадючье гнездо, всех этих чертовых братьев!

Марго решила, что спит и видит кошмар... Сейчас Алекс произнесет фамилию... Она прекрасно знала, какую именно. Кавалерьянц. Муж Мэри Костя и два его брата – Артур и

Вартан – в разное время были устранены Алексом. Но какая связь между этими событиями и похищением Маргоши?!

– Постой... откуда ты знаешь?

– Да адвокат мой звонил! Мало того что кто-то из этих выползков украл мою дочь, так они еще ее Сониной родне отвезли! – Дальше последовал длинный поток армянских проклятий и прочих крепких выражений.

Это похуже любой войны... Родня второй жены Алекса давно пыталась забрать девочку, но Алекс всегда был начеку и не позволял приближаться к Маргоше, и вот – такое...

– Алекс, это ошибка. Их было трое, помнишь? Мэри потом сто раз перепроверила – три брата, никого больше. Костя и Артур мертвы давно, Вартан пропал...

– Да не пропал он! – рывкнул Алекс, останавливаясь перед Марго. – Я идиот... какой я идиот... Надо было его пристрелить, но нет! Я решил, что это слишком просто! Я хотел, чтобы он мучился так же, как Мэри!

– То есть...

– Шею я ему сломал. Бейсбольной битой, – уточнил он зачем-то, и Марго содрогнулась, представив себе картину. – Проверил еще – ни рукой, ни ногой он шевельнуть не мог, лежал и глазами хлопал. А надо было – насмерть, в лоб, чтоб мозги по стене!

«Ну, ты всегда был позером, – отметила про себя Марго. – Всегда любил театр одного режиссера. Но как же так?! Каким образом Вартан смог пересечься с родней Сони, откуда вообще узнал? Теперь хотя бы ясно, что с Маргошей все в порядке, она жива и ничего опасного не случится, там все-таки бабушка, родственники. Но Алексу ее теперь не видать – это факт».

– Ты успокойся, – попросила она вслух. – Это ведь не точная информация? Ну, про то, что к этому причастен кто-то из бывшей родни Мэри?

– Я чувствую, что все не так просто. Я перебрал все варианты, самые абсурдные. И из всех абсурдных вот этот – наиболее реальный.

– Да с чего... – начала снова Марго, но он перебил:

– С того! Подумай сама! Твоя дорогая Мэри так любила совать свой нос не в свои дела... И потом ей даже не хватило ума не делать записей!

Марго решительно ничего не понимала – при чем тут родня Сони, живущая в Англии, и оставшийся глубоким инвалидом брат мужа Мэри? Какая связь? И какие записи имеет в виду Алекс?

– Ты ведь сам рассказал ей о Соне, – осторожно напомнила она. – Сам – она и слышать не хотела.

– Я понятия не имел, что она сделает из этого сюжет!

Марго прикрыла рот ладонью – такой эпизод действительно был в романе, как раз в том, что был издан последним во Франции. Но откуда...

– А вот этого я не знаю.

Марго вздрогнула от неожиданности – привычка Алекса отвечать на еще не сорвавшийся с языка вопрос всегда досаждала ей.

Алекс машинально взял сигареты и зажигалку, покрутил и отбросил, выдвинул ящик стола и вынул оттуда небольшую деревянную коробку, из которой, к удивлению Марго, извлек трубку и пакет с табаком.

– Что это?

– А на что похоже? – раскуривая трубку, переспросил он.

– На трубку.

– Ну так вполне возможно, что это она и есть.

– А в набивочке что? – подозрительно прищурилась Марго, зная о привычке Алекса иной раз покурить не вполне безобидную смесь с целью расслабиться.

– Не бойся, обычный табак, – он протянул ей пакет, в котором на самом деле оказался ароматизированный табак. – Успокоилась? – Алекс сел напротив нее, чуть откинувшись на спинку стула.

Марго кивнула:

– Знаешь, а тебе идет.

– Да... как твоей Мэри – мундштук. Мне нравилось наблюдать за ней, когда она курила, – Алекс выдохнул дым и усмехнулся. – Если бы она не была такой гордой и такой упрямой, то сейчас курила бы тут, на подоконнике. Если бы тогда она уехала ко мне, как я просил...

– Что?! – Марго выронила пакет с табаком, который так и держала в руках.

– А ты не знала? За два дня до того, что с ней случилось, я звонил и просил ее приехать ко мне.

В кухне воцарилась тишина. Алекс курил, глядя на циферблат настенных часов, Марго пыталась уложить в голове полученную только что информацию. Но даже не тот факт, что Алекс пытался забрать Мэри к себе, поразил ее. Даже не это...

– Ты... просил?! *Просил?! –* выдохнула удивленная Марго, все еще не в силах поверить в то, что слышит. – Просил Мэри уехать к тебе?!

– Что ты заладила, как заевший патефон? Да, просил. Сказал – будет так, как ты хочешь, как скажешь, только приезжай. – Алекс перекинул ногу на ногу и снова замолчал.

Марго боялась потревожить его, хотя любопытство раздирало ее на части – надо же, есть нечто, чего она все-таки не знала о Мэри и Алексе. Он молчал, то и дело прикладываясь к трубке и окутывая себя ароматным дымом. Терпение Марго истощалось, но нарушать отрешенное состояние Алекса она не посмела. Он заговорил сам.

– Я сказал только одну неверную фразу. Только одну – и это все и решило. Я сказал – «ты должна приехать», – Алекс грустно усмехнулся, приложился в очередной раз к трубке и посмотрел на Марго. – Ты ведь понимаешь, да? Нужно совсем не знать Мэри, чтобы сказать ей такое. Но я в тот момент думал только о том, как помочь ей спастись, потому что уже тогда знал...

– Знал?! – в ужасе выдохнула Марго, поднося к губам забинтованную руку.

Он долго смотрел поверх ее головы и думал о чем-то, а потом нехотя проговорил:

– Ну, я вычислил того, кто за ней охотился, сопоставил кое-какие факты, но мне было не успеть – понимаешь? Не успеть предотвратить как-то, помешать, планы спутать. Я пытался, Марго, честно – пытался. Единственное, что я мог, – увезти ее, спрятать. Именно это я и пытался ей внушить. Но она не послушалась. И знаешь... – Алекс перевел на Марго ставшие вдруг совсем темными и бездонными глаза и проговорил еле слышно: – Мне кажется, она и сама уже знала, Марго. Знала, что с ней случится нечто такое, и знала, откуда исходит угроза. Но Мэри всегда была, согласись, излишне самоуверенна и самонадеянна – потому что, будь иначе, она избежала бы не только смерти, но и вообще многих проблем.

Марго молчала, не в силах вымолвить ни слова. Информация оказалась слишком неожиданной и слишком тяжелой. Выходит, все, что когда-то говорила о своих снах и предчувствиях Мэри, оказалось правдой. Она *знала*, что погибнет. Почему же тогда отвергла предложение Алекса, зачем?! Неужели Мэри на самом деле верила в возможность его воссоединения с ней, Марго? И только это помешало ей спастись, укрывшись за надежной спиной Алекса? Ужасно, если это правда... К чему эта бессмысленная жертва? Они никогда не будут вместе... Марго застонала от невозможности изменить что-то. Будь Мэри здесь – она ни за что не позволила бы подруге снова совершить глупость и отказаться от Алекса, она заставила бы ее... Хотя кто и когда мог заставить Мэри делать то, что она не хотела? Вот и Алекс не смог – куда уж Марго...

И теперь с этой мыслью нужно как-то жить дальше, смотреть на оставшиеся от Мэри книги, знать, что в сейфе банка лежат ее бриллианты, заходить в ее квартиру и помнить: могло и не случиться этого постоянного одиночества среди ее вещей. Если бы Мэри поверила Марго

и поняла, что нельзя дважды войти в одну реку – тем более что они с Алексом честно пытались сделать это в Цюрихе. Если бы... Такие жуткие мысли, что к ним совершенно невозможно привыкнуть, притерпеться.

Требовалось время...

Алекс

Ночной разговор с Марго принес своеобразное облегчение. Она единственный человек, с которым он мог свободно и без утайки говорить о чем угодно. Но даже Марго он не мог признаться в том, что его постоянно мучают ночные видения, связанные с Мэри. Да и о своем физическом состоянии Алекс тоже умолчал.

Марго заметила это сама, когда утром он не спустился к завтраку. Через десять минут она пришла к нему в комнату и обнаружила его лежащим на кровати – с серым лицом, испариной на лбу и мутными глазами. Разумеется, она сразу решила, что дело либо в кокаине, либо в чем-то еще, но потом, сев на край кровати и заглянув ему в глаза, охнула и предложила вызвать врача.

– Успокойся, – процедил он сквозь зубы. – Ничего не нужно, я сейчас встану.

– И давно это у тебя? – спросила Марго уже за столом. Она одновременно успевала есть сама и кормить с ложечки сидевшую в высоком стульчике Машу.

– Какая разница, – уклонился он. – Пройдет. Я в последнее время слишком много нервничаю и устаю.

– Ты и раньше слишком уставал и постоянно носился по всему свету, Алекс. Но в таком состоянии я тебя не видела никогда.

– Ты что пристала? – процедил он, начиная злиться, и Марго обиженно умолкла, сосредоточив внимание на дочери.

Алекс закончил завтракать и встал из-за стола:

– Я ухожу. Не усложняй мне жизнь, не выходи из дома и не подходи к двери.

Больше говорить ничего не требовалось – Марго, в отличие от Мэри, всегда прислушивалась к его словам и никогда не нарушала запретов. Сказывался все-таки опыт первых месяцев жизни с ним в браке. Эти знания нередко помогали ей впоследствии.

Алекс поехал в офис своей фирмы, служившей ему неким прикрытием, легальным бизнесом. На самом деле он сейчас мало во что вникал, практически не проверял бумаг и не контролировал ничего, занятый мыслями о дочери. Сегодня впервые появилась ясность в этом вопросе, и встреча с адвокатом должна была состояться именно в офисе.

Адвокат был давним знакомым Марго, Алекс взял его на работу по ее рекомендации. Молодой амбициозный парень сразу зарекомендовал себя с лучших сторон, быстро сумел вникнуть во все дела, получить аккредитацию на практику в европейских странах. Со временем Алекс начал доверять ему и свои личные дела. Именно Кирилл Зиммерхольц помог ему получить опеку над Маргошей и оградить девочку от посягательств Сониной родни. И теперь в его руках снова оказалось это дело.

Кирилл не заставил себя ждать, явился точно в назначенное время – уже не русский, а типичный европеец, умеющий ценить каждую минуту. Поздоровавшись, он сразу перешел к делу:

– Ситуация складывается явно не в нашу пользу. Семья подает в суд с целью лишить тебя опеку над Марго и передать девочку на воспитание бабушке.

– Не слишком много хотят? – процедил Алекс, с трудом сдерживая накатившую злобу.

– По их понятиям – не слишком. Они обвиняют тебя в невыполнении должных требований к проживанию ребенка, в том, что Марго часто остается на попечении няни, в том, что ты не уделяешь дочери достаточного внимания.

– Что они могут знать об этом, сидя в Англии? – Почему-то сегодня Кирилл раздражал его и своим безупречным внешним видом, и дорогим костюмом, и тщательно причесанными темными волосами. И своим присутствием, кстати, тоже. И сильнее всего – манерой не выдавать всю информацию сразу и последовательно, а вот этими паузами для наводящих вопросов.

– Поверь, они знают достаточно, – вздохнул Кирилл. – Твоя несостоявшаяся теща не поспешила, наняла частного детектива. Судье будут представлены фотоотчеты – твои фотографии в Москве и Маргошины здесь, сделанные примерно в одно и то же время. Плюс – свидетельские показания учителей, няни. Я понимаю, это звучит бредово, но посмотри на дело с отстраненной точки, Алекс.

– Ты не хуже меня знаешь, что моя дочь не остается без присмотра ни на секунду! И что я каждую свободную минуту провожу с ней!

Кирилл чуть поморщился – он терпеть не мог крика и давления, а Алекс так легко выходил из себя и переставал выбирать слова, что общение с ним иногда становилось весьма неприятным.

– Я это знаю. Но попробуй убедить судью.

– А вот это уже твоя работа! – взревел Алекс. – Именно за это я плачу тебе деньги! Так изволь их отрабатывать!

– Ты слишком часто и подолгу стал жить в России, Алекс. Это там деньги решают любые вопросы и открывают любые двери. А здесь...

– Это говоришь ты?! Ты – мне?! Да где б ты был и кто б ты был, если бы не протекция Марго?! – Алекс ударил кулаками по столу так, что стоявшая на нем рамка с фотографией раскололась надвое. Он смахнул осколки на пол и уставился в побледневшее лицо Кирилла: – Ну, подумал?! Вспомнил, как тебя никто не хотел брать на работу, а в государственной конторе платили такие гроши, что даже на пирожок с капустой не каждый раз хватало?! И как Марго тебя пожалела и познакомила со мной?! И теперь ты живешь в Швейцарии, прекрасно зарабатываешь и можешь себе много что позволить, в том числе и коллекцию «Харлей Дэвидсон», например, скажешь, не так?! Байкер хренов!

– Ты платишь мне за работу, которую я умею делать хорошо! – вдруг, шалея от собственной смелости, огрызнулся Кирилл. – Ты не можешь пожаловаться, что я не справился с чем-то! И все твои юридические проблемы я решаю точно в срок и без потерь!

– Ну, так иди и сделай все, чтобы моя дочь оказалась дома и со мной! И подумай, что именно я сделаю с тобой, если все будет как-то иначе!

Алекс оттолкнул стол и развернулся к окну, скрестив на груди руки и тяжело дыша. Сердце бешено колотилось, в висках пульсировало от напряжения. Когда за Кириллом закрылась дверь, Алекс прилег на белый кожаный диван и закрыл глаза. Тяжесть в груди не проходила, а только усиливалась.

Он дотянулся до телефона и позвонил Марго. Та ответила мгновенно, как будто ждала звонка:

– Привет. Ну, как ты? У тебя все в порядке? – И эти традиционные слова, и звук ее голоса, такой родной и вызывающий приятные эмоции, почти сразу успокоили его.

– Почти. Чем ты занимаешься?

– Я читаю, Маша спит.

– Хорошо. Я скоро приеду.

Если бы раньше он не сделал столько ошибок, если бы она потом смогла его простить... Как хорошо они могли бы жить вместе...

Неожиданно для себя Алекс заехал в цветочную лавку и купил букет бледно-розовых голландских тюльпанов. Бросив его на сиденье, усмехнулся:

– Я начал снова ухаживать за бывшей женой. Старую.

Он часто ловил себя на мысли о том, что Марго вызывает у него странное желание иной раз обидеть ее до слез, чтобы потом иметь возможность утешать как ребенка. Зачастую он специально говорил ей такие ужасные вещи, за которые ненавидел себя, но вот эта возможность потом утешить ее и сказать что-то ласковое всегда пересиливала. Казалось бы, чего проще – возьми и скажи ей приятное просто так, наблюдай за тем, как она улыбается, как светятся

ее глаза. Но нет! Алексу непременно нужен надрыв и трагедия. Именно это привлекло его в Мэри в свое время – она была такой же, как он сам. Ей доставляло удовольствие дерзить ему, выводить на эмоции, ей нравилась его грубость и жестокость. Если бы она при этом еще умела играть по его правилам – цены б ей не было. Но Мэри, к сожалению, предпочитала устанавливать свои, а не подчиняться чужим, и в этом состояла сложность.

Подъехав к дому, Алекс по привычке осмотрелся, прежде чем выйти из машины. Улица практически пуста – уже вечер, в окнах горит свет, люди вернулись с работы, ужинают, общаются. Место здесь удивительно тихое и спокойное, нет никаких клубов и баров, поэтому и шумных компаний тоже не бывает. Именно это обстоятельство и привлекло Алекса, когда он покупал дом.

В его окнах тоже горел свет, и это вмиг настроило Алекса на благодушный лад. Его ждут... Если бы еще и Маргоша была там... Но ничего, он хотя бы уверен в том, что с девочкой все в порядке. Уже легче.

Однако его не ждали. Марго рыдала на кровати в спальне, рядом с ней возилась не менее зареванная Маша. Алекс присел на край, потребил Марго за плечо, но она дернулась:

– Уйди отсюда!

– У тебя ребенок плачет, – напомнил он, пытаясь привлечь внимание Марго к надрывающейся девочке.

– Это мой ребенок. Если хочет – пусть плачет.

Он вспылил, швырнул тюльпаны на кровать, крепко обложил Марго и, подхватив Машу, вышел из спальни, шарахнув напоследок дверью.

– Мать твоя – истеричка и размазня, – сообщил он девочке, неся ее вниз по лестнице. – Придумает себе горе и носится с ним. Ничего, пусть поревет, мы и без нее... – Его рассказ прервался визгом Марго с верхней площадки:

– Не смей трогать мою дочь!

Алекс остановился, удивленно приподнял левую бровь:

– Очнулась, маменька? Если не заметила, твоя дочь плачет. Но у тебя, смотрю, свои проблемы.

– Оставь в покое мои проблемы! – Марго слетела вниз так быстро, что Алекс даже сказать ничего не успел, вырвала из его рук Машу, прижала к себе. – Все мои проблемы обычно связаны с тобой!

– Прекрасное начало. Идем-ка. – Он крепко сжал руку Марго чуть выше локтя и повел за собой в гостиную. – Рассказывай, только быстро и без лирических отступлений, – велел, толкнув ее в кресло, и сам уселся напротив, закинув ногу на ногу.

Марго, покрасневшая, заплаканная, пару минут молчала, собираясь с мыслями. Алекс насмешливо наблюдал за ней – его всегда забавляла эта ее манера обиженно сопеть и надувать губы. Выражение лица становилось детским, а ребенок на руках придавал картине какое-то неуловимое очарование.

– Скажи мне – ведь это ты убил Мэри, да?

– Слушай, Марго, в сотый раз под разными предложениями ты задаешь мне этот вопрос, – стараясь не выйти из себя, проговорил Алекс, сжимая пальцами подлокотники кресла. – Скажи – не получив ответа, на который рассчитываешь, в очередной раз, ты и дальше будешь спрашивать?

Марго смахнула со лба отросшую челку, опустила глаза и пробормотала:

– Я спрашиваю не из праздного любопытства. И то, как ты всякий раз уклоняешься от ответа, только сильнее укрепляет меня в мысли о том, что я права.

– Да? Интересно. – Он развалился в кресле вальяжно, придав себе независимое и непроницаемое выражение. – Права – в чем?

– В том, что это ты.

Алекс встал и прошел к камину, где на полке лежала трубка. Он долго раскуривал ее, зачем-то зажег свечи в большом канделябре и только потом повернулся к Марго, напряженно ждавшей реакции.

– Нет, Марго. Это не я, – ответил совершенно спокойно. – Все?

– Нет, не все. Не все, потому что ты врешь.

– Прежде чем обвинять кого-то во лжи, нужно быть уверенной в этом, Марго. Иначе может быть очень неприятно, – с легкой угрозой в голосе произнес он.

– А я в этом уверена. Знаешь, почему? Потому что очень хорошо знаю руку, срежиссировавшую это. То есть – написавшую.

Что-то нехорошее заворочалось в его душе, что-то опасное. Предчувствие новых неприятностей охватило Алекса.

– Ты можешь выразаться конкретно и по делу?

– Могу. Но конкретнее будет, если... – оборвав себя на полуслове, Марго встала и вышла.

Алекс решительно ничего не понимал. Что за намеки, что за тайны? Какой режиссер, о чем это она? И почему ее вдруг так стал интересовать вопрос об истинной причине смерти Мэри?

Марго вернулась и протянула ему голубую пластиковую папку, набитую листами с отпечатанным текстом. Машинально взяв ее, Алекс открыл и с первого же взгляда понял – вот оно. Наверху листа жирным шрифтом значилось: «Мэри Кавалье. Призрак собственной смерти». Алекс перевел взгляд на Марго – та стояла, прижав к груди дочь, и в упор смотрела на него зелеными глазами, полными ненависти. Это было ново...

– Ну, я так понял, это очередной шедевр нашей гениальной подруги, да? И при чем тут, извини, я? Именно из этого романа ты вынесла столь ценную информацию о том, что это не кто-то иной, а исключительно я убил Мэри? Да она умерла сама – на моих глазах, от сердечной недостаточности! Ты, надеюсь, внимательно прочитала медицинское заключение? Ведь его отдали тебе!

– Я больше не буду обсуждать это. Просто прочитай – и сам все поймешь. Меня успокаивает только одно – она все-таки сделала тебя. Она заставила тебя играть по ее сценарию, и ты подчинился, стал марионеткой в ее руках. Она тебя сломала – хоть и сама сгорела.

Марго развернулась и ушла к себе, оставив его наедине с пачкой листов и испорченным настроением.

Он не стал ужинать, совершенно потеряв аппетит и испытывая единственное желание – лечь и никого не видеть. Поднявшись на второй этаж, он на секунду задержался около двери в спальню Марго и прислушался. Там тихо – значит, уснули обе. Алекс оставил гореть небольшой светильник над лестницей, как делал всегда на случай, если дочь ночью проснется и захочет спуститься попить, и ушел к себе.

Сна, как ни странно, не было, и он решил просмотреть бумаги в папке. Кроме романа, там, под картонным листом, формировавшим дно, оказалось еще несколько листов, исписанных неровным почерком, в котором он без труда узнал почерк Мэри. И эти листы значили для него куда больше, чем придуманные образы в романе.

«Оказывается, я вообще не испытываю угрызений совести. Никаких. Я выбрасываю человека за ненадобностью – и все, мне по фигу, как он, что с ним. Деформация психики – не могу носить в себе «чужое горе».

Март имеет четкие ассоциации с конкретными вещами и ощущениями. Это черное пальто, джинсы-клеш (кстати, надо найти в шкафу, куда ж я без них) и постоянное чувство холода. Любого – внутри, снаружи. Постоянные приступы отчаяния и попытки сделать «ужас-ужас» из своей и так весьма не радужной на тот момент жизни. Пара даже удалась.

Снова март. Сейчас все по-другому. Не знаю»...

Она никогда не ставила дат на своих записях, вела их сумбурно и поддаваясь настроению, но сейчас, читая, Алекс почти четко мог сказать, когда это было написано. Они расстались в марте – он уехал, бросив в ее почтовый ящик билет на самолет с написанным на обороте стихотворением. И ровно через год вернулся. Но она уже перегорела тогда. Ему так показалось, когда они встретились. Но тогда как объяснить вот это:

«Мне все время хочется написать о тебе – и я не могу. Не потому, что слов не хватает. Просто слишком сильные эмоции, слишком нежные чувства, слишком все острое. Я не могу относиться к тебе с хладнокровием, как относилась к твоим предшественникам. Просто у нас с тобой все совсем иначе. И я с тобой совсем другая. Как же мне было сладко с тобой – ммррр... Ты меня чувствуешь, как никто, делаешь именно то, о чем я хотела бы тебя просить. Наверное, именно так чувствуют любящие люди. Я вспоминаю – и меня кроет, надо же...

У меня вообще рядом с тобой просыпаются какие-то кошачьи инстинкты и повадки, а я кошек-то не любила отродясь. Как и они меня, впрочем. А с тобой хочется выгибать спину, тереться носом и мурлыкать. Сдуреть можно: и это все – я?!»

Алекс отложил листы и зажмурился. Он не мог объяснить себе, зачем читает это, когда ему так больно. Боль удивила – он не считал, что любит Мэри, смешно, в самом деле. Но тогда почему эти строки, адресованные совершенно точно ему, вызывают у него такую тоску и такую сильную, почти непереносимую боль?

Марго

Она долго не могла уснуть, лежала рядом с мерно посапывающей дочерью и все думала, думала...

Все мужчины предсказуемы до зубной боли. Сделав когда-то гадость, подлость и еще что-либо из этой же оперы, они вдруг в определенный момент начинают чувствовать свою неизбывную вину и всеми правдами-неправдами кидаются ее искупать – как могут или как представляют себе «искупление». В итоге это переходит в манию, в зависимость, и от нее начинает страдать в первую очередь как раз бывшая жертва. И как же потом тяжело... как все становится сложно и отвратительно порой.

Мысли повернули к Джефу. От него так и не было известий, и это приводило Марго в отчаяние. Сколько еще ей придется пробыть здесь, с Алексом, который определенно не совсем вменяем и, как выяснилось, не особенно здоров? И что он собирается делать? Ведь рано или поздно на него начнут давить, требуя выполнения работы, и тогда... страшно даже подумать.

Марго села, дотянулась до брошенного на спинку стула халата и закуталась в него. «Зачем я дала Алексу роман? Почему просто не рассказала о звонках? Почему не сказала, что эта женщина нашла меня и здесь? Нужно все-таки сменить номер, зря я не сделала этого сразу. И... ох, черт! – Марго вскочила, ошпаренная внезапным воспоминанием. – Там ведь под картонкой... Ох, черт!!! Там же дневник Мэри! Господи, как я забыла»...

Она нашарила на полу тапочки и на цыпочках метнулась к двери.

На лестнице горел светильник, из-под двери спальни Алекса тоже пробивалась полоска света – значит, не спит. Марго постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

Алекс полусидел в постели и читал. Когда он, опустив зажатые в руке листы, повернулся в сторону вошедшей Марго, она увидела два тонких шрама на груди.

– Что тебе надо? – не совсем любезно спросил он.

– Отдай.

– Отдать – что?

– Я по ошибке дала тебе кое-что лишнее, то, что не было предназначено для твоих глаз.

Он усмехнулся и похлопал по постели, приглашая ее присесть. Марго подчинилась, однако держалась настороженно:

– Алекс... я очень тебя прошу... Она писала это не для посторонних.

– Она писала обо мне. И я, если знаешь, не был ей чужим.

– Отдай, – повторила она в отчаянии. – Это ведь нечестно! Если бы Мэри была жива...

– Я жалею, что не видел этого раньше, – перебил он. – Если бы она хоть раз честно призналась...

– Ты больной? Ну и самомнение! Чтобы Мэри призналась тебе в чувствах?! – Марго захохотала. – Да она...

– Она просто дура. У нас все могло получиться, если бы не ее принципы и гонор! Я никак не мог понять, что это – поза такая, глупость или еще что? Смотри, – он схватил наугад листок и прочитал, почти не останавливаясь на точках: – «Сижу на окне. Тепло, ночь, только что закончился ливень. С улицы пахнет свежестью и чуть-чуть мокрым асфальтом, в комнате – ландышами.

Я никогда уже не смогу быть прежней. И все разрушилось, так и не успев начаться толком. Я совершила самую ужасную ошибку в своей жизни. Не надо было» – как думаешь, о чем она? А я скажу тебе – о своем очередном отказе мне. Она понимала, что ошибается – но все равно делала!

– А ты не думал, что она все сделала правильно? Вы не смогли бы быть вместе, я теперь только понимаю, что напрасно упорствовала, стараясь подтолкнуть ее к тебе, – Марго

вздохнула. – Вы слишком одинаковые, слишком свободные, вас, таких, приручить нельзя. Нет людей, которым бы это удалось.

Алекс отвернулся от нее и тяжело задышал. Марго тоже замолчала. Вдруг Алекс напрягся, вытянулся в струну, превратившись в сплошной слух. Его рука незаметно скользнула под подушку, и через секунду Марго увидела пистолет.

– Быстро к ребенку, ложись на пол и лежи тихо, – одними губами произнес он, вставая с постели и увлекая Марго за собой в коридор.

Она следовала за ним, стараясь издавать как можно меньше звуков. В спальню он вошел первым, метнулся туда-сюда, убедился, что никого нет, а Маша по-прежнему спит, и подтолкнул Марго к кровати:

– Ну?!

– А ты?

– Т-с-с! – Алекс приложил палец к губам, улыбнулся ободряюще: – Ничего не бойся, малыш, я не позволю вас обидеть. Но не выходи отсюда, что бы ни происходило в доме, поняла?

– Да... Алекс! – шепотом вскрикнула Марго, когда он уже вышел.

– Что? – Алекс замер в дверях, обернувшись к ней.

– Пожалуйста, будь осторожен...

Он улыбнулся и подмигнул, скрываясь за дверью.

Марго осторожно взяла Машу, стянула на пол одеяло и легла между стеной и кроватью, прижав малышку к себе. Девочка не проснулась, только зачмокала во сне губами, и Марго принялась осторожно покачивать ее, одновременно вслушиваясь в тишину огромного дома. Ничего не происходило, и это пугало еще сильнее. Внезапно послышался грохот, что-то упало, разбилось, шум борьбы удалялся в ту сторону, где находилась кухня. Потом все снова стихло.

«Господи, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось, – шептала она про себя. – Я останусь совсем одна»...

Время шло, Алекс не появлялся, и Марго начала всерьез беспокоиться. Самое разумное – выйти и посмотреть, что происходит и происходит ли вообще, но она помнила распоряжение Призрака: ждать, когда он вернется. Мэри на ее месте уже давно была бы в центре событий, но Марго знала – если послушаться, можно навлечь серьезные проблемы и на свою, и на его голову. Но ожидание и неизвестность еще хуже, а потому она, прижимая к себе дочь, все-таки двинулась к двери.

Свет на площадке не горел, и Марго ошупью стала спускаться, стараясь при этом не слишком шуметь. В гостиной никого не оказалось. Кресла перевернуты, с крышки рояля сметены ноты, разбросаны по полу, как ненужный хлам. Запнувшись в темноте обо что-то, Марго тихо выругалась и присела – это оказался канделябр. Поднимая его, она почувствовала, что пальцы затронули что-то влажное и липкое. Поднеся их к лицу, вскрикнула – кровь, уже чуть запекшаяся. Брезгливо вытерев руку о край халата, испуганная Марго стала строить предположения, но тут вспыхнул свет, и она закричала, зажмурив глаза. Маша от ее крика проснулась и заплакала.

– Что за мода идиотская никого не слушать?! – загремел Алекс, устремляясь от двери к замершей на полу Марго. – Ты какого черта делаешь здесь?! – Он рванул ее за воротник халата, поставил на ноги. – Я где сказал сидеть?!

От него пахло кровью и еще чем-то, Марго никак не могла понять, чем именно. Скосив глаза, она увидела, что левая рука Алекса разрезана от локтя до запястья, а на скуле наливается огромный синяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.